

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ж52

Roger Zelazny
CREATURES OF LIGHT AND DARKNESS

Copyright © 1969 by Roger Zelazny

Публикуется с разрешения наследников автора
и их литературных агентов, Zeno Agency Limited
(Великобритания) при участии Агентства
Александра Корженевского (Россия)

Оформление серии *А. Саукова*

Иллюстрация на обложке:
DeAgostini / S. VANNINI / DIOMEDIA.

Железны, Роджер.

Ж52 Порождения Света и Тьмы / Роджер
Железны ; [пер. с англ. В. Лапицкого]. —
Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-093909-1

Далекое будущее.

Ожившие боги Древнего Египта делят власть
над освоенным человечеством космосом. Анубис,
Повелитель Мертвых, и Осирис из Дома Жизни
забывают свою извечную вражду, когда появляе-
тся угроза не только мирам, но и их собственному
существованию.

Самый поразительный роман Грандмастера
НФ Роджера Железны, изощренный сплав фэнте-
зи и научной фантастики!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© В. Лапицкий, перевод
на русский язык, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.

ISBN 978-5-04-093909-1

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Читу Дилени, просто так

Одни поколения уходят, другие длятся
со времен своих предков.
И вот они строили обиталища,
и даже места того больше нет.
Что же сделалось с ними?

Я слышал слова Имхотепа и Хардедефа,
реченья которых повторяют так часто люди.
Где же теперь они?

Разрушились стены,
даже места им нет,
словно не было никогда.

Никто не приходит оттуда,
чтобы рассказать, что там,
чтобы поведать, как там,
чтобы упокоить наши сердца,
покуда и сами не пойдём мы за ними следом.

Так празднуй и не томись!
Смотри, не дано человеку
забрать с собой достоянье,
смотри, никто из умерших назад
не может вернуться.

Харрис, 500, 6:2-9

Входит Комус с волшебной палочкой в одной руке, бокалом в другой; вместе с ним орава монстров с головами многовидных диких зверей. С буйным, разгульным шумом входят они; в руках у них факелы.

Мильтон

Платье людское подобно железу,
Стать человечья — пламени горна,
Лик человеческий — запечатанной печи,
А сердце людское — что голодное горло!

Блейк

ПРЕЛЮДИЯ В ДОМЕ МЕРТВЫХ

В канун своего тысячелетия в Доме Мертвых проходит по нему человек. Ежели удалось бы тебе взглянуть на огромный тот зал, по которому проходит он, ничего бы это не дало. Так темно тут, что глазу не сыскать для себя работы.

В темную эту пору звать мы его будем просто: человек.

На то есть две причины.

Во-первых, он вполне подпадает под общепринятое, устоявшееся описание человекоподобного существа (мужского пола, без модификаций) — прямоходящий, с противостоящим большим пальцем и прочими типовыми характеристиками этой профессии; во-вторых, имя его от него отнято.

И нет сейчас причин распространяться об этом далее.

В правой руке несет человек жезл своего хозяина, и ведет его жезл этот сквозь тьму. Тянет то туда, то сюда. Обжигает руку, пальцы, противостоящий большой — в первую очередь, стоит хоть на шаг отступить ему от предназначенного пути.

Добравшись до некоего места посреди темноты, начинает человек подниматься по ступеням и через семь шагов оказывается на каменном возвышении. Трижды ударяет он по нему жезлом.

Вспыхивает свет, тусклый и оранжевый, дрожит по углам. Из конца в конец видны теперь стены огромного пустого зала.

Он переворачивает жезл и ввинчивает его в гнездо в поверхности камня.

Будь у тебя в зале том уши, услышали бы они некий звук, словно гудит летучая мелюзга, кружится-вертится над головой мошкара.

Но слышен звук этот лишь нашему человеку. Остальные — а числом их там поболее двух тысяч — мертвы.

Они поднимаются теперь из появляющихся на полу прозрачных прямоугольников, поднимаются бездыханными, с немигающими глазами, возлежат в паре

футов над землей, покоятся на незримых катафалках; и всех цветов их одежды, всех оттенков кожа, всех возрастов тела. И есть у одних из них крылья, у других — хвост, у третьих — рога или же длиннющие когти. Кое у кого найдется и весь этот набор; одним в тело встроены какие-то механизмы, другим — нет. Многие же выглядят как наш человек — без модификаций.

Он же облачен в желтые брюки и того же цвета рубашку без рукавов. Черны его ремень и плащ. Он стоит рядом со светящимся жезлом своего хозяина и разглядывает мертвецов перед собою.

— Встать! — восклицает он. — Всем встать!

И смешиваются слова его с разлитым в воздухе гудением, и повторяются снова и снова, не как эхо, угасая, но настойчиво возвращаясь, с навязчивостью электрического зуммера.

Воздух наполняется движением. Разносятся стоны, раздаются похрустывание суставов, потом возникает движение.

С шорохом и шуршанием, покряхтывая и растирая свои затекшие члены, они садятся, они встают.

И вот затихают звуки и движения, и, словно незажженные свечи, застывают мертвецы у своих отверстых могил.

Человек спускается с возвышения, на секунду замирает перед ними, затем говорит: «За мной» — и идет назад тем же путем, что и пришел, оставив жезл своего хозяина вибрировать в мутном воздухе.

По пути подходит он к женщине — высокой, златокожей самоубийце. Он заглядывает в ее невидящие глаза и говорит: «Ты знаешь меня?» — и оранжевые губы, мертвые губы, сухие губы движутся, шепчут: «Нет». Но он вглядывается еще пристальнее и говорит: «Ты знала меня?» — и воздух гудит от его слов — пока она не произносит «нет» еще раз, и он проходит мимо.

Он спрашивает еще двоих: мужчину, который был в свое время старцем, в его левое запястье встроены часы, и черного карлика с рогами, копытами и хвостом козла. Но оба говорят: «Нет», и он проходит мимо них, и они следуют за ним из огромного этого зала в другой, где лежит много других, в общем-то не ожидая, что их призовут на его тысячелетний канун в Доме Мертвых.

Человек ведет их. Он ведет вызванных им обратно если не к жизни, то к движению мертвецов, и они идут следом за ним. Они следуют за ним по коридорам и галереям, по залам, поднимаются по широким прямым лестницам и по лестницам узким, кривым, спускаются, и приходят они наконец в Тронный зал Дома Мертвых, где устраивает приемы его хозяин.

Сидит хозяин на черном троне из полированного камня, и металлические чаши с огнем стоят слева и справа от него. На каждой из двух сотен колонн, что выстроились в ряд в высоком его зале, сверкает, мерцает факел, искрясь и постреливая кольцами дыма, который клубами поднимается вверх, сливаясь там в серое, беспокойное облако, полностью закрывающее весь потолок.

Неподвижен хозяин, но пристально смотрит он, как проходит по залу человек, а за спиной у него — пять тысяч мертвецов; красные глаза не отрываясь следят за его приближением.

Человек простирается у его ног и не движется, пока хозяин не обращается к нему.

— Ты можешь приветствовать меня и встать, — раздаются слова, каждое из них —

резкий всплеск среди шумного придыхания.

— Славься, Анубис, хозяин Дома Мертвых, — говорит человек и встает.

Анубис едва заметно кивает своей черной мордой, внутри ее сверкают белоснежные клыки. Алая молния — язык — выстреливает вперед, возвращается в пасть. Тогда встает псоглавец, и соскальзывают тени с его обнаженного мужского тела.

Он поднимает левую руку, и в зал проникает гудящий звук и разносит его слова сквозь мерцающий свет и дым.

— Вы, мертвые, — говорит он, — будете сегодня развлекаться, дабы доставить мне удовольствие. Пища и вино проникнут сквозь ваши мертвые губы, хотя вы и не почувствуете их вкус. Ими наполнятся ваши мертвые желудки, ваши мертвые ноги пусятся в пляс. Ваши мертвые уста будут произносить слова, в которых для вас не будет никакого смысла, и вы будете сжимать друг друга в объятиях безо всякого удовольствия. Вы споете для меня, если я захочу. И вы уляжетесь обратно в могилы, когда я того пожелаю.

Он поднимает правую руку.

— Пусть же празднество начнется, — говорит он и хлопает в ладоши.

И тут же между колонн проскальзывают столы, уставленные яствами и напитками, а в воздухе разливается музыка.

И, подчиняясь его приказу, шевелятся мертвые.

— Ты можешь присоединиться к ним, — говорит Анубис человеку и садится обратно на трон.

Человек подходит к ближайшему столу, что-то съедает и выпивает бокал вина. Мертвецы танцуют вокруг него, но он с ними не танцует. Они шумят, но лишены слова их всякого смысла, и он в них не вслушивается. Он наливает себе еще один бокал вина, и Анубис не отрываясь следит, как он его выпивает. Он наливает себе и в третий раз; он медленно тянет вино, уставившись внутрь бокала.

Он не знает, сколько прошло времени, когда Анубис говорит:

— Слуга!

Он встает, поворачивается.

— Подойди! — говорит Анубис, и он послушно подходит.

— Можешь стоять. Ты знаешь, что сегодня за ночь?

— Да, хозяин. Канун тысячелетия.

— *Твоего* тысячелетия. Сегодня мы празднуем годовщину. Ты отслужил мне полновесную тысячу лет здесь, в Доме Мертвых. Ты доволен?

— Да, хозяин...

— Помнишь ли ты мое обещание?

— Да. Ты сказал, что если я верой и правдой отслужу тебе тысячу лет, ты вернешь мне мое имя. Скажешь мне, кем был я в Средних Мирах Жизни.

— Извини, но я этого не говорил.

— Ты?..

— Я сказал, что дам тебе имя — какое-то имя; это же совсем не то.

— Но я думал...

— Какое мне дело, что ты думал. Ты хочешь имя?

— Да, хозяин...

— Но ты бы предпочел прежнее? К этому ты клонишь?

— Да.

— Неужто ты в самом деле думаешь, что кто-то, быть может, помнит твоё имя спустя десять столетий? Полагаешь, что был

достаточно важной фигурой в Срединных Мирах, чтобы кто-то записал твое имя; что оно для кого-то что-то значит?

— Не знаю.

— И все же ты хочешь его назад?

— Если дозволено будет мне получить его, хозяин.

— Почему же? Почему ты его хочешь?

— Потому что я ничего не помню о Мирах Жизни. Мне хотелось бы узнать, кем я был, когда обитал там.

— Зачем? С какой целью?

— Мне нечего ответить, ибо я не знаю.

— Ты же знаешь, — говорит Анубис, — что из всех мертвых я полностью вернул сознание, чтобы взять на службу, только тебе. Ты, наверно, думаешь, что за этим что-то кроется?

— Я часто спрашивал себя, почему ты так поступил.

— Ну так позволь, я тебя успокою: ты — ничто. Ты был ничем. Тебя никто не помнит. Твое смертное имя ничего не значит.

Человек опускает глаза.

— Ты сомневаешься в моих словах?

— Нет, хозяин...

— А почему?